

Научная статья

УДК (811.161.3+811.111)42

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.14401>

СУБЪЕКТНАЯ РЕФЕРЕНЦИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В АНГЛО- И БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

И.М. Басовец

Минский государственный лингвистический университет,
г. Минск, Республика Беларусь

 basovets@list.ru

Аннотация. Статья затрагивает проблему взаимосвязи типов источников информации и а) надежности, достоверности сообщаемого, б) реализуемых категорий и в) создаваемых прагматических эффектов в современных англо- и белорусскоязычных медиатекстах. Целью данной статьи является установление корреляций между референциальными механизмами субъектных номинаций в маркерах эвиденциальных значений и степенью надежности сообщаемого, с одной стороны, и реализуемыми категориями, прагматическими функциями в англо- и белорусскоязычных газетных текстах разных жанров, с другой стороны. Материалом данной статьи послужили письменные газетные тексты информационных, аналитических и художественно-публицистических жанров. Использовались индуктивный метод, включающий наблюдение, анализ, сопоставление и классификацию языковых фактов, а также метод контекстуального анализа, семантического и лингвопрагматического анализа. Установлено, что референциальные характеристики субъектов непосредственно влияют на надежность, достоверность сообщаемого как базовое свойство эвиденциальности. Показано, что в обеих медиакультурах маркеры косвенной эвиденциальности с референтным субъектом реализуют авторизацию с экспликацией или без экспликации эвиденциального значения в зависимости от наличия или отсутствия в пропозиции сообщаемого факта; либо деавторизацию в случае кодирования нереперентного выраженного или подразумеваемого субъекта в качестве источника. Выявлено, что тексты разных жанров сопоставляемых медиакультур демонстрируют следующие категориально-прагматические корреляции: все разновидности маркеров эвиденциальности с референтным субъектом, сопряженные с оценкой, пересекаются с авторизацией и активируют прагматические эффекты направления читательского восприятия; маркеры эвиденциальных значений разных типов с нереперентным субъектом пересекаются с деавторизацией и позволяют масштабировать мнение или наблюдение автора-повествователя, снизить журналистскую ответственность за сообщаемое, констатировать сам факт сообщения или передать недостоверную информацию.

Ключевые слова: прямая эвиденциальность, инференциальная и косвенная эвиденциальность, авторизация, деавторизация, (не)референтный субъект.

Для цитирования: Басовец И.М. Субъектная референция в реализации категории эвиденциальности в англо- и белорусскоязычных медиатекстах // Terra Linguistica. 2023. Т. 14. № 4. С. 7–24. DOI: 10.18721/JHSS.14401

SUBJECT REFERENCE EXPRESSING EVIDENTIALITY IN ENGLISH AND BELARUSIAN MEDIA TEXTS

I.M. Basovets

Minsk State Linguistic University,
Minsk, Republic of Belarus

✉ basovets@list.ru

Abstract. The article touches upon the problem of the interrelation between the types of information sources and a) the reliability of the reported data, b) the categories being implemented, and c) the pragmatic effects created in modern English and Belarusian media texts. The purpose of this article is to establish correlations between the referential mechanisms of subject nominations in evidential markers and the degree of reliability of what is being reported, on the one hand, and the realized categories, pragmatic functions in English and Belarusian newspaper texts of different genres, on the other hand. The material of this article comprises written newspaper texts of informational, analytical and opinion genres. The used methods are the inductive method, including observation, analysis, comparison and classification of linguistic facts, as well as the methods of contextual analysis, semantic and pragmatic analysis. It was established that the referential characteristics of subjects directly affect the reliability of what is being reported as the basic feature of evidentiality. It is shown that in both media cultures markers of reported evidence with a referential subject implement authorization with or without explication of the evidential meaning, depending on the presence or absence of the reported fact in the proposition; or deauthorization in the case of encoding a non-referential expressed or implied subject as the source. It was revealed that the texts of different genres of the compared media cultures demonstrate the following categorial-pragmatic correlations. All varieties of evidential markers with a referential subject used together with evaluation intersect with authorization and activate pragmatic effects of guiding reader's perception. At the same time, evidential markers of different types with a non-referential subject intersect with deauthorization and allow the following pragmatic effects: scaling the opinion or observation of the narrator, reducing journalistic responsibility for what is being reported, stating the very fact of the message, or conveying unreliable information.

Keywords: attested, inferring and reported evidence (evidentiality), authorization, deauthorization, (non) referential subject.

Citation: Basovets I.M., Subject reference expressing evidentiality in English and Belarusian media texts, *Terra Linguistica*, 14 (4) (2023) 7–24. DOI: 10.18721/JHSS.14401

Введение

Эвиденциальность означает отношение к знанию, с одной стороны, включая *ссылки* на источники презентуемого знания, и, с другой стороны, охватывая *выражение степени надежности* знания, *достоверности* сообщаемой пропозиции [1, с. 20–21]. Несмотря на некоторые расхождения в терминологии, исследователи [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и др.] отмечают, что существует две системы эвиденциальности: 1) непосредственная, или прямая (attested evidence), которая включает указание на источник, доступный сенсорному восприятию говорящего (в таком случае говорящий имел личный доступ к ситуации и выступает в конвергентной роли перцептора, наблюдателя, повествователя, который передает непосредственно воспринятую ситуацию); и 2) опосредованная, или посредническая, подразделяющаяся на два типа: а) косвенная, или цитатив (reported evidence), которая содержит указание на источник передаваемой говорящим информации (в этом случае говорящий выступает в роли ретранслятора, который передает полученную от другого источника информацию) и б) инференциальная, или инферентив (inferring evidence), которая позволяет говорящему восстановить имевшую место ситуацию, свидетелем

которой он не был, на основании собственного вывода (при которой говорящий функционирует как репрезентатор инференции, озвучивая сделанное на основании внешних данных или знаний собственное умозаключение). Иногда в результате использования критерия разновидности информационного канала, по которому говорящему поступает информация, в лингвистике выделяют подтипы в структуре прямой эвиденциальности, подразделяя ее на визуальную и аудиальную, и в структуре инференциальной эвиденциальности, которая различается в зависимости от того, пришел говорящий к выводу на основании визуальной информации или делает предположение на основании знаний [6], при этом цитатив обычно на подтипы не делится, хотя может иметь смешанный характер и демонстрировать промежуточное положение в классификации типов эвиденциальности в том случае, если содержит «элементы репортативности и инференциальности», тогда имеет место «репортативно-инференциальная эвиденциальность» [8].

Экспликаторами эвиденциальности являются языковые средства, указывающие на источник информации или степень надежности, достоверности сообщаемой пропозиции, которые в разных языках могут быть лексическими, морфологическими и синтаксическими (в ряде языков такая информация встроена в форму глагола, к примеру, в индейских языках). Что же касается английского и русского языков, то такая информация выражается при помощи определенных лексических и синтаксических единиц: в английском языке, к примеру, наречия *reportedly* ‘по сообщениям’, вводных предложений с маркерами-дополнениями типа *it seems to me that* ‘мне кажется, что’, главных предложений в составе сложного *I guess* ‘я полагаю’, *they say* ‘они говорят’, *I hear that* ‘я слышал(а), что’ или в русском языке еще и частицами *якобы, мол, дескать* [9, с. 1–2].

Поскольку обе системы эвиденциальности используют разные субъектные номинации, которые кодируют источник презентуемого знания, представляется важным определить, каким образом референциальные характеристики кодируемых языковыми средствами субъектов – автономно или сопряженно с другими факторами – влияют на реализацию эвиденциальности, что является релевантным на материале газетных текстов, которые в значительной мере формируют наши представления о действительности. Исследование взаимосвязи референциальных характеристик субъектов – источников информации и достоверности сообщаемого представляется особенно актуальным с учетом современного уровня образования и осведомленности о разнообразных коммуникативных стратегиях, тактиках и приемах текстопостроения как журналистов при кодировании, так и читателей при декодировании. Целью данной статьи является установление корреляций между референциальными механизмами субъектных номинаций в эвиденциальных маркерах и степенью надежности сообщаемого, с одной стороны, и реализуемыми категориями и прагматическими функциями в англо- и белорусскоязычных газетных текстах разных жанров, с другой стороны. Материалом статьи послужили письменные медиатексты в количестве 46 единиц на английском языке и 41 единица на белорусском языке, опубликованных в период 2003–2023 гг. Корпус исследуемых текстов представлен информационными, аналитическими и художественно-публицистическими жанрами. Использовались индуктивный метод, включающий наблюдение, анализ, сопоставление и классификацию языковых фактов, а также метод контекстуального анализа, семантического и лингвопрагматического анализа.

Результаты исследования и обсуждение

В случае с **прямой эвиденциальностью** указание на источник информации, доступной сенсорному восприятию говорящего, происходит посредством таких единиц, как *I saw it (with my own eyes)* ‘я это видела (собственными глазами)’; *I heard* ‘я слышала’; *я (сам) бачыў; у мяне на вачах; я чуў* и т. п., которые позволяют говорящему подчеркнуть, что он лично наблюдал описываемое

событие. Иногда говорящий утверждает что-либо на основании того, чему сам был свидетелем, однако в высказывании это не акцентируется, хотя становится понятным из ситуации или контекста [6, с. 68]. Если личное свидетельство наблюдаемой ситуации вычитывается из контекста или становится понятным из ситуации, то прямая эвиденциальность не имеет вербальных средств выражения, а субъект-повествователь является несомненно референтным ввиду своей сингулярности и соотносительности с единственным референтом во внеязыковой действительности; поэтому подобные контексты, как правило, не демонстрируют разночтений в отношении референциальных характеристик субъекта. Что же касается вербально выраженных средств прямой эвиденциальности, традиционно соотносимых с конкретными субъектами, то их функционирование в газетных текстах обнаруживает определенную дискурсивно-обусловленную специфику. Традиционно маркеры прямой эвиденциальности в медиатекстах используются журналистами для передачи сведений:

а) от имени журналиста в жанре репортажа при повествовании от первого лица: *On the Continent, I saw they didn't refrigerate Tropicana* 'На континенте я видел, что они не охлаждают напиток Тропикана' [The Times, April 18, 2023]; *Вось тут я на свае вочы пабачыў, як упэўнена гэты чалавек паважаных гадоў кіруе машынай, лёгка манеўрыруючы на вузенькіх колішніх вуліцах Мінска* [ЛіМ, 11.02.2022];

б) от имени свидетелей, очевидцев событий, отличных от журналиста-повествователя, с использованием прямой речи в составе конструкций с указанием субъекта эвиденциального значения в разных медиажанрах: "...*I saw with my own eyes that their vision burnt so brightly it scorched everything that stood in their way,*" he says «...я видел своими глазами, что их зрение горело так ярко, что сжигало все, что стояло на их пути», — говорит он» [The Sunday Times, July 24, 2011]; *Вось што раскажаў Уладзімір Юльянавіч Кротаў: «Гэта было акружана атрадамі немцаў СС, былі пастаўлены кругом кулямёты... На свае вочы бачыў на вуліцы трупы людзей у лужынах крыві, раскіданыя на дарозе адзенне, пасмы валасоў, парваныя грошы, дамашнія рэчы»* [Звязда, 25.04.2023];

в) от имени автора текста, не являющегося профессиональным журналистом, который делится своей жизненной историей, в художественно-публицистических текстах, эссе: *After 34 years of fighting, yes, we've got the evidence and the truth but, frustratingly, there can never, ever be any justice because there's been no accountability, no consequences; 34 years of my life has been spent on this* 'После 34 лет борьбы, да, у нас есть доказательства и правда, но, к сожалению, никогда, никогда не может быть никакой справедливости, потому что не было никакой ответственности, никаких последствий; 34 года моей жизни ушло на это' [The Times, April 14, 2023]; *Сведкам яе я стала выпадкова, і не на сонечным беразе Крыма або Турцыі, а ў нас у Беларусі* [Звязда, 16.04.2023].

Во всех приведенных выше контекстах из разных медиажанров маркеры прямой эвиденциальности содержат референтный субъект, источник информации, кодируемый личными местоимениями первого лица единственного и множественного числа (в примере *we've got the evidence* личное местоимение множественного числа кодирует двоих людей — мужа и жену, чья история о болезни ребенка изложена в тексте). Достоверность сообщаемых сведений обеспечивается личным свидетельством наблюдаемого и искренностью повествователя.

Любопытные случаи функционирования маркеров, традиционно соотносимых с прямой эвиденциальностью, обнаруживаются:

1) в жанре репортажа при повествовании от имени журналиста в контекстах: а) содержащих оценку, к примеру: *But no amount of training and experience could have prepared us for the harrowing scenes we witnessed...* 'Но никакое обучение и опыт не смогли подготовить нас к ужасающим сценам, свидетелями которых мы стали...' [Time, October 7, 2023]; б) включающих обстоятельственные детерминанты, выраженные наречиями времени, характеризующие постоянство действия, при этом сам перцептивный предикат употребляется в эпистемическом значении (например, *бачыць* 'уяўляць у думках' [skarnik.by]): «<...> *я заўсёды бачу адно і тое ж: да мяне, вельмі, відаць, ма-*

ленькай, нахіляецца чалавек, твар якога, калі ён схіляе галаву, зацяняе густая льняная шавялюра... [Звязда, 15.04.2023];

2) в жанрах интервью, новостной и аналитической статьи в составе прямой речи цитируемого лица с личным местоимением первого лица множественного числа в субъектной позиции и предикатом, употребленным не в перцептивном, а эпистемическом значении (*see* 'to understand something' [dictionary.cambridge.org] 'понимать что-либо'; *назіраць* 'заўважаць ўласцівасці, асаблівасці' [skarnik.by]): *Asked if the US had confronted Egypt about a covert arms deal with Russia, Kirby said: "...We have seen no indication that Egypt is providing lethal weaponry capabilities to Russia"* 'На вопрос, противостояли ли США Египту по поводу тайной сделки с Россией, Кирби сказал: «... Мы не увидели никаких признаков того, что Египет поставляет смертоносное оружие России»' [The Times, April 11, 2023]; Алэг Шэпель: «Зараз **мы на свае вочы назіраем раскол у сусветным на-ралаімнііскім руху**» [Звязда, 26.03.2023]. В примере с цитируемой речью американского политика П. Кирби используется инклюзивное обобщенно-собирающее «мы», под которым подразумеваются, вероятнее всего, сам П. Кирби и группа единомышленников; в отрывке из интервью О. Шепеля под обобщенно-собирающим «мы», включающем говорящего, могут подразумеваться белорусы, спортсмены, официальные лица в сфере спорта и т.д.

Очевидно, что в приведенных выше контекстах, демонстрирующих наличие традиционных экспликаторов эвиденциальности в ее прямой разновидности, категория эвиденциальности не реализуется. Определяющее значение для выявления эвиденциальной семантики высказывания имеет *наличие сообщаемого факта*, если же в высказывании не содержится сообщение какого-либо факта с помощью соответствующих единиц, то к эвиденциальности оно не имеет отношения, а соответствующие единицы не выражают эвиденциальных значений¹. Поскольку в приведенных выше пропозициях содержится не сообщаемый факт с указанием источника, а производится субъективированная подача сведений посредством оценочных лексических единиц (*the harrowing scenes, раскол*) или наречия времени, придающего действию восприятия вневременной характер (*заўсёды*) и сопряженного с формой глагола в настоящем времени, значит в анализируемых контекстах проявляется а) категория авторизации, вводящая субъект наблюдения (см. примеры с конструкциями типа: *я видел собственными глазами, я вижу*), б) категория деавторизации, инкорпорирующая неидентифицируемый субъект (см. контексты с конструкциями типа: *мы увидели, мы наблюдаем*).

Вкрапление маркеров авторизации наблюдения с сингулярным *я* или маркеров деавторизации с обобщенно-собирающим *мы* в газетные тексты преимущественно в жанрах репортажа при дословном цитировании и интервью позволяет реализовать ряд прагматических задач:

а) масштабировать собственные наблюдения от имени плюрализованного субъекта в маркерах с обобщенно-собирающим *мы* с целью создать «совместную с читателем реальность» [10, с. 74] и «коллективную с адресатом ответственность за сообщаемое» [7]: *But we soon heard from the government that they wanted Uber to restart operations to help to provide essential transportation* 'Но вскоре мы получили известие от правительства о том, что они хотят, чтобы Uber возобновил работу, чтобы помочь обеспечить необходимый транспорт' [The Times, January 31, 2023]; *We have heard from parents, teachers and principals concerned that a lifelong bad habit is being established for many at a young age* 'Мы слышали от родителей, учителей и директоров, которые с этим сталкивались, что пожизненная вредная привычка формируется у многих в молодом возрасте' [The Times, June 7, 2023]; *We've seen our European friends do it that way for years* 'Мы видели, как наши европейские друзья делали это годами' [The Times, April 18, 2023]; *Пакуль мы бачым, што выгаду атрымалі хіба што фармацэўтычныя кампаніі, якія распрацоўвалі вакцыны, а таксама лекі ад усіх названых сімптомаў і сіндрому настковіду* [Звязда, 05.06.2023]; *Мы бачым, што нашы вытворцы*

¹ Подробнее см. Бабёр, Н.В. Реализация категории эвиденциальности в немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.В. Бабёр ; ФГБОУ ВПО «Московский пед. гос. ун-т». – Москва, 2012. – 26 с.

тых жа халадзільнікаў цяпер знаходзяцца ва ўмовах вельмі жорсткай канкурэнцыі з-за паралельнага імпарту і незразумелай цэнавай палітыкі [Звязда, 23.05.2023]; Расце і колькасць юрыдычных асоб, якія аказваюць паслугі ў гэтым сегменце рынку. Таму **мы бачым** дадатную дынаміку [Звязда, 22.05.2023];

б) направлять читательское восприятие вследствие инкорпорирования оценочных единиц: *Over the course of two days, I saw and heard the true horror of war* ‘В течение двух дней я увидел и услышал истинный ужас войны’ [The Times, January 31, 2023]; “*What I have seen with my own eyes is breaking my heart for ever,*” she [Yulia Tymoshenko] says through an interpreter... ‘«То, что я видела своими глазами, навсегда разбивает мне сердце», – говорит она [Юлия Тимошенко] через переводчика...’ [The Times, April 30, 2022]; *In both countries, policing still devalues Black lives, but there is good news: we have seen progress* ‘В обеих странах работа полиции по-прежнему обесценивает жизни чернокожих, но есть и хорошие новости: мы наблюдаем прогресс’ [The Guardian, 07.02.2023]; *Мы бачым новыя рызыкі і выклікі на захадзе Саюзнай дзяржавы, абвастрэнне становішча на межах дзяржаў – членаў АДКБ* [Звязда, 12.09.2021]. Примечательно, что в этой функции в белорусскоязычных медиатекстах используются только конструкции деавторизации с обобщенно-собираемым *мы*, а для англоязычных текстов характерно употребление как маркеров авторизации, так и деавторизации. В англоязычных текстах наблюдаются дополнительные эффекты всеохватности наблюдения и солидаризации с читателем вследствие инкорпорирования определенного местоимения «все» в конструкцию деавторизации с обобщенно-собираемым «мы»: *We are living in a new age. No, not the age of post-truth, which we’ve all heard so much about over the last couple of years* ‘Мы живем в новом веке. Нет, не в веке постправды, о котором мы все так много слышали за последние пару лет’ [The Economist, August 14, 2018]; *We’ve all heard, many times, that television is the new film, and that there is no shame in a big-screen director trying the small screen instead* ‘Мы все много раз слышали, что телевидение – это новый фильм, и что нет ничего постыдного в том, чтобы режиссер большого экрана попробовал вместо этого малый экран’ [The Economist, September 16, 2016]. Созданию эффекта распространенного, всеохватного наблюдения способствуют обстоятельственные детерминанты с семантикой многократности действия, длительной временной протяженности (*over the last couple of years, many times*).

Средствами реализации **инференциальной эвиденциальности** в высказывании являются, как правило, модальные слова или словосочетания, вставные конструкции, указывающие на собственное умозаключение говорящего и выражающие значение возможности, предположения, вероятности и др. передаваемых сведений (*apparently* ‘очевидно’, *most likely* ‘вероятнее всего’, *to my mind* ‘по-моему’; *напэўна, на ўсёй верагоднасці, як мне здаецца*). В таком случае говорящий сообщает информацию, свидетелем которой он не был, исходя из собственного вывода, к которому он пришел на основании визуальной информации или собственных знаний. Выбор эвиденциальных маркеров обусловлен стоящими перед автором текста целями и оказывается непосредственно связан с контролем подачи информации и формированием оценки, определяющей особенности интерпретации сведений [10]. Согласно нашим наблюдениям на базе материала, полученного в результате сплошной выборки, маркеры инференциальной эвиденциальности активируют разные референциальные механизмы, разные основания для инференции и различное семантическое наполнение маркеров.

Если речь идет о *выводах, сопряженных с оценкой, на основании наблюдений или знаний говорящего*, то маркеры инференциальной эвиденциальности демонстрируют принадлежность референтному повествующему субъекту, поскольку говорящий открыто актуализирует себя как субъекта оценки. Такое употребление встречается, как правило, в текстах аналитического жанра: *Yet it is probably safe to assume that the Discord leaks are very bad* ‘Тем не менее, вероятно безошибочно можно предположить, что утечки Discord – это очень плохо’ [The Economist, April 13, 2023]; *...it is probably not a surprise that US intelligence would want to keep a close eye on Israel’s mercu-*

rial and combative prime minister, Binyamin Netanyahu... ‘...вероятно, неудивительно, что разведка США хотела бы внимательно следить за переменчивым и воинственным премьер-министром Израиля Биньямином Нетаньяху...’ [The Times, April 11, 2023]; *Perhaps even more startling were the revelations about President Sisi, who is dependent on Saudi Arabia and the UAE for financial and political support* ‘Возможно, еще более поразительными были разоблачения президента Сиси, финансовая и политическая поддержка которого зависит от Саудовской Аравии и ОАЭ’ [The Times, April 11, 2023]; *China is likely carefully studying the unified response from the West...* ‘Китай, вероятно, внимательно изучает единый ответ Запада...’ [The Telegraph, March 8, 2023]; *Few seem to expect a “no-landing” scenario, in which the economy remains untroubled by rising interest rates...* ‘Кажется, мало кто ожидает сценарий «без трудностей», при котором экономика остается стабильной вследствие роста процентных ставок...’ [The Economist, April 17, 2023]; *The people who stopped responding to surveys appear less prosperous than those who continue to do so...* ‘Люди, которые перестали отвечать на опросы, кажутся менее состоятельными, чем те, кто продолжает это делать...’ [The Economist, April 17, 2023]; *Аднак масавья пратэсты, які ідуць на выхадных ужэ які тыдзень, здаецца, не прайшлі дарма. Нягледзячы на непрымірымыя настроі ўлад і апазіцыі, была зменена жорсткая фармулёўка законапраекта* [Звязда, 19.03.2023]; *Пакуль надобна, што пратэстоўцы настроены вельмі сур’ёзна* [Звязда, 19.03.2023]. В приведенных контекстах маркеры инференциальной эвиденциальности, сопряженные с оценкой и эксплицитно маркирующие авторские сомнения и неуверенность в предположениях, выполняют субъективно-оценочную функцию, которая выражается во введении личностного взгляда на ситуацию, выражении авторского отношения к пропозитивному содержанию. В таком случае автор регулирует процессы восприятия текста читателем, происходит «авторское вторжение в дискурс с целью больше направить, нежели проинформировать» [12, с. 8]. При этом журналист может варьировать оценочное отношение посредством интенсификаторов, сопровождающих оценочные единицы в пропозициях (*very bad*, *вельмі сур’ёзна*). В подобных контекстах квалификация излагаемой информации является фактором, объединяющим эвиденциальность и авторизацию в пределах модуса предложения, а «комбинирование принципов взаимопроникновения и взаимодополнения в ходе взаимодействия эвиденциальности с авторизацией в дискурсивном пространстве масс-медиа усиливает суггестивный эффект» [13, с. 128]. Так, в последнем примере в результате сочетания двух субъектных планов говорящий выражает свое отношение (*надобна*) и дает оценку (*вельмі сур’ёзна*) действию авторизующего субъекта (*пратэстоўцы*). В результате открытого выражения авторской оценки для фокусирования внимания читателя на собственной позиции во избежание поиска других интерпретаций или оценок, отличных от авторских, происходит «программирование» читательского восприятия.

Если выводы и предположения журналиста подаются *на основе имеющихся фактических данных*, то степень достоверности сообщаемого по отношению к предыдущему случаю повышается, несмотря на субъективную составляющую такой инференции, поскольку имевший место факт или данные авторитетного источника служат в качестве аргументов для логического вывода журналиста. Примечательно, что в таком случае маркеры инференциальной эвиденциальности выражают уверенность говорящего в сообщаемом, сравним: *...the spillage has happened – and it will almost certainly happen again – intelligence agencies should immediately shift gears...* ‘...утечка произошла – а это почти наверняка произойдет снова – разведывательным службам следует немедленно переключиться...’ [The Economist, April 13, 2023]; *Вынікі гэтых дзеянняў відавочныя: паводле даных ААН, чацвёрта з дзесяці іракаў не маюць працы, а траціна 42-мільённага насельніцтва жыве ў галечы. Праз дваццаць гадоў пасля ўварвання ў Ірак многія праблемы краіны не проста застаюцца нявырашанымі, а толькі абвастрыліся* [Звязда, 26.04.2023]; *Пры гэтым Варшава на-ранейшаму не дапускае ў прыгранічную зону абсалютна нікога, што цалкам відавочна: уладам ёсць што хаваць* [Звязда, 12.04.2023]. Как и в случае с выражением сомнения и неуверенности в

сочетании с оценкой в пропозиции, маркеры уверенности говорящего в собственных выводах могут быть представлены автономно или в сочетании с интерсификаторами (*цалкам відавочна*) или хеджами (*almost certainly*), при помощи которых говорящий сам регулирует степень выражения собственной уверенности.

Инференция может быть сделана журналистом на основании высказываний, приведенных в статье в форме цитируемой прямой речи, передающей законченную сформулированную мысль первоисточника, или фрагмента прямой речи в форме островного цитирования². В таком случае вывод журналиста производится с опорой на косвенную эвиденциальность: *On February 1, he allegedly told a subordinate – almost certainly Mohammed Salah al-Din, minister for arms production – to conduct the manufacture and sale of the missiles secretly “to avoid problems with the West”* ‘1 февраля он, предположительно, сказал своему подчиненному – почти наверняка Мохаммеду Салах ад-Дину, министру производства вооружений, – вести производство и продажу ракет тайно «во избежание проблем с Западом»’ [The Times, April 11, 2023]; «Я думаю, ёсьць шмат ахвяр на гэтай граніцы, – заўважыла Яніна Ахойская. – Хутчэй за ўсё, яны пахаваны ў нейкай брацкай магіле. Я б не здзівілася гэтаму: доступ да граніцы быў у пэўны момант закрыты, гэта было пасля таго, верагодна, як там сабралі целы, каб схаваць доказы...». Гэта яскравы аповед аб міграцыйным крызісе, рэальнай сітуацыі на беларуска-польскай граніцы. І ўсё становіцца зразумела [Звязда, 12.04.2023]. В приведенном англоязычном контексте журналист делает два предположения (маркируемых единицами *allegedly, almost certainly*) с вкраплением островного цитирования (“*to avoid problems with the West*”), в белорусскоязычном контексте вывод журналиста не формулируется в конце статьи, но вычитывается (*становіцца зразумела*) на основании в том числе предположений, представленных в прямой речи эксперта (*дэпутата Еўрапарламента і грамадскага актывіста Яніны Ахойскай*), которые маркированы единицами *хутчэй за ўсё, верагодна*. В таких случаях субъекты маркеров инференциальной эвиденциальности предстают референтными, соотносимыми с автором-повествователем, который является либо журналистом, либо цитируемым лицом. Учитывая, что, с одной стороны, говорящий ориентирует адресата на то, каким образом трактовать выраженную им информацию в аспекте достоверности/недостоверности, инкорпорирует разнородные маркеры инференциальности с семантикой предположительности и уверенности, свидетельствующие о субъективности изложения, с другой стороны, использует аргументы в виде слов эксперта, степень надежности сообщаемой информации носит смешанный характер.

Любопытное функционирование в обеих медиакультурах в жанре интервью демонстрируют маркеры инференциальной эвиденциальности с личным местоимением «я» (или его значимым отсутствием в белорусскоязычных текстах), которые маркируют сообщение информации с введением собственного вывода говорящего на основании:

а) личного мнения и предположения: *“I think we’re at the end of the era where it’s going to be these, like, giant, giant models”* ‘«Я думаю, что мы находимся в конце эпохи, когда будут такие гигантские, гигантские модели»’ [The Economist, April 20, 2023]; *“I realised it was just play-acting”* ‘«Я понял, что это была просто игра»’ [The Economist, April 20, 2023]; *Думаю, постсавецкія краіны нас падтрымалі б і праўда была б на нашым баку* [Звязда, 03.05.2023]; *Але, я думаю, калі прынялі такое рашэнне, значыць, нехта грошы падкідае* [Звязда, 03.05.2023]; *І, канешне, дабівацца вяртання на міжнародную арэну, дзе нашы спартсмены, я ўпэўнены, будуць паказваць яшчэ лепшыя вынікі* [Звязда, 03.05.2023];

б) личного опыта или знаний, что зачастую маркируется эксплицитно единицами *from experience / na сабе: I know from experience that governments can change the perception that public-sector work is corrupt and uninspired, by creating and supporting civil-service jobs that offer professional develop-*

² Островное цитирование представляет собой малый фрагмент прямой речи первоисточника, эквивалентный слову или фразе и включенный в авторский текст в аутентичном виде без трансформаций и адаптации, графически маркируемый кавычками.

ment, promotions based on performance and real opportunities to create lasting change ‘Я знаю по опыту, что правительства могут изменить представление о том, что работа в государственном секторе коррумпирована и лишена вдохновения, создавая и поддерживая рабочие места на государственной службе, которые предполагают профессиональное развитие, продвижение по службе на основе результатов работы и реальные возможности для создания устойчивых изменений’ [The Economist, December 7, 2020]; *I know from experience in government that hedging risks is not a priority for public officials* ‘Я знаю из опыта работы в правительстве, что хеджирование рисков не является приоритетом для государственных служащих’ [The Economist, May 25, 2021]; «*Па сабе ведаю, што не заўсёды выходзіць першы раз выдатна, але трэба не спыняцца, галоўнае – верыць у сябе і свае сілы!*» [Звязда, 29.03.2023]; «*Па сабе ведаю, што такі падыход заўсёды дае вынік*» [Звязда, 03.05.2023]. Нетрудно заметить, что личный опыт передается конструкциями с фактивным смыслом ‘знать’, которые служат для того, чтобы строить утверждения о наличии в сознании субъекта истинной информации о чем-либо, т.к. сама фактивная конструкция заявляет об истинности сообщаемого [14, с. 168].

Если в рассмотренных выше маркерах инференциальной эвиденциальности с референтным субъектом, эксплицированным личным местоимением «я», местоименный компонент представлен личным местоимением «мы» в обобщенно-собирательном значении, то а) субъект конструкции является нереферентным, и б) реализуется не инференциальная эвиденциальность, а деавторизация: *The all-nighters, the pizza deliveries, the stormings-in and flouncings-out – these are reported as signs of crisis or failure, but we know from experience that they can indicate an imminent result* ‘Ночные дежурства, доставка пиццы, вторжение и исчезновение – все это считается признаками кризиса или неудачи, но по опыту мы знаем, что они могут указывать на неизбежный результат’ [The Economist, November 3, 2021]; *Мы за гады працы вывучылі розны вопыт і разумеем, што ў кожнай краіны свой шлях* [Звязда, 29.04.2023].

Как показал наш материал, если маркеры инференциальной эвиденциальности, которые вводят собственный вывод говорящего/журналиста на основании фактов, цитирования/анализа утверждений экспертов, личных знаний/опыта, то информация, по мнению повествующего субъекта, достоверна и является истинной, в иных случаях может быть субъективной, предположительной или иметь смешанный характер.

Известно, что, утверждая что-либо, говорящий берет на себя ответственность за истинность того, что он сообщает [14, с. 6]. Если же передается мнение третьей стороны, говорящий не несет ответственность за истинность встроенной пропозиции: ответственность переносится на того субъекта, которому непосредственно принадлежит высказывание [15, с. 4]. Распределение ответственности за сообщаемое с участием третьей стороны тесно связано с косвенной разновидностью эвиденциальности.

Косвенная эвиденциальность (цитатив) реализуется в высказывании посредством эвиденциальных маркеров, которые указывают на отличный от говорящего источник информации и могут вводить прямую, косвенную речь и островное цитирование. Указание на подобный источник может происходить при помощи различных частей речи и синтаксических конструкций, которые являются показателями чужой речи: *the minister said that* ‘министр сказал, что’, *as he said* ‘как он сказал’, *they say* ‘говорят’, *reportedly* ‘по сообщениям’; *як наведаміў глава адміністрацыі, ён сцвярджае, што, на словах экспертаў, пагаворваюць* и т.п. Такого рода показатели чужой речи могут эксплицитно кодировать отличный от говорящего субъект – источник информации (в конструкциях типа *he said that* ‘он сказал, что’, *на словах экспертаў*) или лишь подразумевать его существование (как в случае с *reportedly* ‘по сообщениям’, *пагаворваюць*). В случае с эксплицитными субъектными номинациями для выражения значения «цитатив» иногда исследователями разграничиваются субъекты по степени определенности/неопределенности: существительные (или местоимения), указывающие на конкретный источник информации (личность,

документ, организацию); и существительные (или местоимения), имеющие неопределённое, обобщённое значение³. В нашем исследовании такое разграничение по характеру наполнения субъектного компонента позволяет дифференцировать эвиденциальность в ее косвенной разновидности и деавторизацию. Прежде чем продемонстрировать эту разницу, отметим, что не все конструкции, включающие чужую речь, следует автоматически признавать *эвиденциально положительными*: определяющее значение для выявления эвиденциальной семантики высказывания имеет *наличие сообщаемого факта* (вопросы, к примеру, в составе прямой и косвенной речи не сообщают никакого факта и потому не выражают эвиденциальных значений). Вопрос о наличии/отсутствии категории эвиденциальности при воспроизведении чужой речи решается в современном языкознании следующим образом: а) дословное воспроизведение чужой речи, или цитация, соотносится с эвиденциальностью; б) наличие в тексте элементов чужой речи (отдельных слов или словосочетаний), не направленных на сообщение какого-либо факта с помощью соответствующих единиц, к эвиденциальности не имеет отношения; в) внедрение в речь цитат из текстов, известных реципиенту, соотносится интертекстуальностью⁴. Поскольку случаи проявления интертекстуальности не входят в задачи данной статьи, сосредоточимся на анализе маркеров косвенной эвиденциальности при дословном и частичном цитировании с сообщением некоторого факта для установления роли референциальных механизмов субъектных номинаций в их функционировании.

Основное назначение маркеров косвенной эвиденциальности с референтным субъектом, соотносимым с конкретным лицом или лицами, в случае с дословным цитированием, которое представлено в разных медиажанрах обеих лингвокультур, состоит в:

а) информировании адресата о сообщаемом от имени первоисточника: “*We are engaging with allies and partners over this...*” *Vedant Patel, the state department spokesman, said* ‘Мы взаимодействуем с союзниками и партнерами по этому вопросу...», – заявил официальный представитель госдепартамента Ведант Патель’ [The Times, April 11, 2023]; «*Беларусь вылучыла ініцыятыву на-скарэння працэдуры ўступлення ў ШАС*», – *наведаміў «Звяздзе» Чэсан Хайчжоў*;

б) передаче оценочных суждений первоисточника: *John Kirby, national security spokesman, said: “The Department of Defence acted very swiftly...”* ‘Джон Кирби, представитель национальной безопасности, сказал: «Министерство обороны действовало очень быстро...»’ [The Times, April 11, 2023]; «*У апошнія 20-30 гадоў краіна ў цэлым вельмі выразна і рэзка рухалася да наслаблення законаў аб нашэнні зброі*», – *заўважыў прафесар Вашынгтонскага ўніверсітэта Алі Роўхані-Рахбар*. При этом и в первом, и во втором случае маркеры косвенной эвиденциальности служат для разграничения «своей» и «чужой» речи».

Оценочные лексические единицы обнаруживаются в англоязычных медиатекстах не только в словах первоисточника, но и при кодировании субъектной номинации, что белорусскоязычным текстам не характерно. В таком случае журналист выражает свою точку зрения на источник информации. В нашем материале характеристика источника сведений носит негативно-оценочный характер в конструкциях типа *puppet officials reported* ‘марионеточные чиновники сообщили’, например: *The puppet court rejected the suit on June 12th, calling her application “inept”* ‘Марионеточный суд отклонил иск 12 июня, назвав ее заявление «неправомочным»’ [The Economist, June 20, 2017].

В случае с островным цитированием, свойственным преимущественно англо- и белорусскоязычным аналитическим статьям и интервью, наблюдается сочетание информирования с передачей оценочных суждений первоисточника, которое дополняется эффектом дистанцирования, отстранения от воспроизводимого слова со стороны журналиста, поскольку зачастую в

³ Подробнее см. Астахова, Т.Н. Полевая структура эвиденциальности в немецком медиадискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Т.Н. Астахова ; ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова». – Архангельск, 2015. – 25 с.

⁴ Подробнее см. Бабёр, Н.В. Реализация категории эвиденциальности в немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Н.В. Бабёр ; ФГБОУ ВПО «Московский пед. гос. ун-т». – Москва, 2012. – 26 с.

сохраненных завышенных фрагментах цитируемого первоисточника содержатся именно оценочные лексические единицы: *The leak of the documents was “a very serious risk to national security with the potential to spread disinformation,” Chris Meagher, assistant to the US secretary of defence for public affairs, said* ‘Как заявил помощник министра обороны США по связям с общественностью Крис Мигер, утечка документов представляла собой «очень серьезный риск для национальной безопасности с возможностью распространения дезинформации» [The Times, April 11, 2023]; *У книзе амерыканскай вучонай Памэлы Хааг «Стральба ў Амерыцы: бізнес і стварэнне амерыканскай зброёвай культуры» адзначаецца, што вытворчасць зброі ў Злучаных Штатах уяўляе сабой вытворчы ланцужок, які «пачынаецца з вытворчай лініі і заканчваецца смерцю ахвяр»* [Звязда, 02.04.2023]. В подобных контекстах маркеры косвенной эвиденциальности с референтным субъектом реализуют авторизирующую функцию⁵, и тесно сплетенными оказываются две категории: эвиденциальность и авторизация. В результате использования косвенной речи для передачи чужого сообщения говорящий может «свободнее переоформлять референциальное значение исходного высказывания» [16, с. 95].

Если в пропозиции отсутствует сообщаемый факт, то подобные языковые маркеры реализуют авторизацию без экспликации эвиденциального значения, например: *Прэзідэнт Ізраіля Іцхак Герцаг таксама выступае супраць рэформы* [Звязда, 19.03.2023]; или 2) деавторизацию, поскольку источник является неидентифицируемым: *Western military sources say they believe the Russians were “almost certainly” responsible* ‘Западные военные источники говорят, что они считают, что русские «почти наверняка» несут ответственность’ [The Economist, June 6, 2023]. В последнем приведенном примере используются две конструкции деавторизации, при этом одна инкорпорирована в другую и вводит мнение с сохранением оценочного маркера в островном цитировании. Если в англо- и белорусскоязычных медиатекстах содержатся обобщенно-собираательные номинации, которые кодируют нереперентный субъект как источник сообщаемого, и отсутствует сообщаемый факт в пропозиции, то реализуется не эвиденциальность, а деавторизация: *Many said that this war would be over in three days* ‘Многие говорили, что эта война закончится через три дня’ [The Times, January 31, 2023]; *Як адзначаюць эксперты, мяркуючы па дынаміцы акцый, яны будуць разгортвацца шырэй* [Звязда, 19.03.2023]. В медийных текстах обеих лингвокультур наблюдается пересечение двух категорий – эвиденциальности и деавторизации, что особенно характерно для конструкций с неопределенным субъектом в качестве источника сведений: *A source said that after years of negotiations the bank felt it was reaching “the end of the road” in the relationship* ‘Некий источник сказал, что после нескольких лет переговоров банк почувствовал, что достиг «конца дороги» в отношениях’ [The Times, June 7, 2023]; *«Я тут, каб пратэставаць супраць рэформы ў законе і пратэставаць супраць нашага прэм’ер-міністра, якога мы называем «міністрам па справах злачыннасці», – цытуе Reuters словы адной з пратэстоўцаў* [Звязда, 19.03.2023].

Взаимодействие категорий эвиденциальности и деавторизации при дословном цитировании в англо- и белорусскоязычных аналитических статьях и интервью наблюдается также при усложнении структуры отсылок к источникам информации. Так, в дословно цитируемую речь первоисточника могут быть инкорпорированы ссылки на иные источники информации, которые при этом являются нереперентными, а их вкрапление в текст используется для выражения несогласия автора-первоисточника (косвенная эвиденциальность) с некоторым мнением (деавторизация). Если эксплицитная контрастная позиция нереперентного субъекта находится в оппозиции к мнению цитируемого лица, то создается «интересное взаимодействие контрдискурса, поддерживаемого предполагаемым оппонентом, и дискурса, поддерживаемого автором» [17, с. 5]. В таком случае именно авторская позиция находится в коммуникативном фокусе,

⁵ Подробнее см. Григоренко, М.Ю. Функционально-семантическое поле эвиденциальности в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / М.Ю. Григоренко ; Белгородский гос. ун-т. – Белгород, 2011. – 23 с.

высказать которую и является основной целью сообщения, а противопоставление речи/мысли/мнению/оценке нереперентного субъекта служит фоном для введения авторской точки зрения: *«На публіку ў адміністрацыі Буша-малодшага вельмі шмат гаварылі пра важнасць абароны свабоды і дэмакратычных каштоўнасцяў, але ў рэальнасці там зыходзілі з уяўлення аб тым, што залогам захавання глабальнай гегемоніі ЗША павінен быць курс на разбурэнне інтэграцыйных працэсаў, якія непадкантрольныя Вашынгтону», — адзначыў rt.com кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі краін Блізкага і Сярэдняга Усходу Інстытута краін Азіі і Афрыкі МДУ Дзмітрый Жанціеў* [Звязда, 26.04.2023]. В приведенном контексте-цитате журналист использует маркер косвенной эвиденциальности, который содержит референтный субъект — источник информации (Дзмітрый Жанціеў), внутри самой цитаты первоисточник создает контраст собственной позиции, которую он маркирует как соответствующую реальности и помещает в коммуникативный фокус, с нереперентным субъектом речи в конструкции деавторизации (ў адміністрацыі Буша-малодшага гаварылі), которая не передает сообщаемый факт, служит фоном для более сильной контрастной позиции и действительности, по мнению цитируемого лица, не соответствует. Аналогичным образом конструкции деавторизации с нереперентными субъектами оказываются встроенными в сообщенные пропозиции или связанные с ними высказывания, линейно следующие за маркерами косвенной эвиденциальности, в случае с косвенной речью: *Амерыканскія навукоўцы Томас Р. Дай, Хармон Зейглер і Луі Шуберт у сваёй кнізе «Іронія дэмакратыі: незвычайнае ўвядзенне ў амерыканскую палітыку» адзначаюць, што нямногія амерыканцы цяпер вераць, што ўрад працуе на карысць народа. Большасць лічыць, што палітычная сістэма кіруюцца некалькімі буйнымі верхаводамі ў іх уласных інтарэсах, пакідаючы сярэдняга чалавека за бортам* [Звязда, 02.04.2023]. При таких инклюзивных отношениях достоверность и надежность сообщенной информации относится лишь к ссылочному блоку, включающему референтный источник информации (книгу трех авторов), в то время как сообщаемые и переработанные журналистом сведения обогащаются прагматическим эффектом контраста мнений двух нереперентных групп (немногих американцев и большинства) с приданием весомости последней точке зрения ввиду семантики множественности субъекта в конструкции деавторизации (большасць лічыць). Далее по тексту статьи при помощи ссылки на авторитет (палітычны аглядальнік арабіст) усиливаются позиции последней точки зрения с сохранением комментария первоисточника посредством островного цитирования: *Аналагічнага пункту гледжання прытрымліваецца палітычны аглядальнік арабіст Вячаслаў Матузаў. У каментарыі rt.com ён растлумачыў, што дэмантаж іракскай дзяржаўнасці дазваляў ЗША наслабіць супрацоўніцтва паміж краінамі Персідскага заліва і запусціць працэс «перакройкі палітычнага контуру ўсяго рэгіёна»* [Звязда, 26.04.2023].

В языкознании и журналистике принято считать [18; 19; 20], что если в тексте ссылка производится на документ (в форме доклада, отчета, результатов опроса или исследования, статистических показателей), то он является авторитетным источником информации, а сведения квалифицируются как достоверные, надежные и верифицируемые. Действительно, в обеих медиакультурах ссылки на документы, которые входят в состав маркеров косвенной эвиденциальности, реализуют категорию достоверности и, как правило, являются верифицируемыми, т.к. их можно проверить: *High costs are “freezing parents out of work” and gaps in availability are “leaving disadvantaged children at risk of missing out”, according to the report by Coram Family and Childcare* ‘Большие затраты «лишают родителей работы», а недостаток доступности «подвергает неблагополучных детей риску упустить возможность», согласно отчету службы защиты детей и семьи» [The Times, March 10, 2023]; *Паводле справаздачы, апублікаванай у жніўні мінулага года Нацыянальным цэнтрам статыстыкі аховы здароўя пры цэнтрах ЗША на кантролі і прафілактыцы захворванняў, сярэдня працягласць жыцця ў Злучаных Штатах знізілася з 2019-га да 2021-га на 2,7 года — да 76,1 года, што з’яўляецца самым нізкім паказчыкам з 1996-га* [Звязда, 02.04.2023]. В качестве достоверных маркеров могут использоваться номинации документов в составе субъек-

ектно-предикатных конструкций (*the OECD report said / прэс-канцэлярыя дзяржсавета КНР апублікавала даклад*), безличные конструкции с документом в качестве обстоятельственного детерминанта с полной при первом упоминании или редуцированной при повторном упоминании номинацией (*it was issued by the World Health Organisation report / у дакуменце адзначаецца*), предложно-падежные конструкции, содержащие название документа (*according to ECFR polling released today / згодна са статыстыкай злачынстваў, апублікаванай федэральным бюро расследванняў*), вводные конструкции (*as mentioned in the special report on the dominance of “superstar” companies / як сведчыць статыстыка Федэральнай рэзервавай сістэмы ЗША*).

Любопытно, что в англоязычных медиатекстах обнаруживаются маркеры, которые содержат ссылки на неverified документы. Такая ситуация наблюдается в случае с утечкой информации и неких неспецифицированных документах, на которые ссылается издание и чью подлинность невозможно проверить, и, поскольку они не подлежат идентификации адресатом и кодируются существительным во множественном числе автономно или в сочетании с неопределенным местоимением *some* ‘некоторые’ или существительным в единственном числе с неопределенным артиклем *a* в значении ‘некий’, то реализуется категория деавторизации: *The allies of the US in the Middle East authorised the supply of arms to Moscow and agreed to undermine western intelligence, according to files shared on social media* ‘Союзники США на Ближнем Востоке санкционировали поставки оружия в Москву и согласились подорвать западную разведку, согласно файлам, опубликованным в социальных сетях’; *The documents have added to the widespread belief that the whole basis of the Arab world’s security architecture, and its relationship with the US, is undergoing a seismic shift* ‘Документы укрепили широко распространенное мнение о том, что вся основа архитектуры безопасности арабского мира и его отношения с США претерпевают сейсмические изменения’; *The leaked papers reveal how the UAE, which just a few years ago prided itself on its inside track to the White House, is also flirting with Russia* ‘Просочившиеся документы показывают, как ОАЭ, которые всего несколько лет назад гордились своим внутренним контактом с Белым домом, также заигрывают с Россией’ [The Times, April 11, 2023]. Использование определенного артикля детерминируется повторным употреблением именной группы и не конкретизирует документы, на которые ссылается журналист. В англоязычных текстах ссылка на неverified документы может сопровождаться маркером инференциальной эвиденциальности: *Some of the documents, apparently photocopies of printouts of intelligence briefs, renew serious allegations made previously, such as that the National Security Agency (NSA) eavesdrops on the conversations of leaders of allied states* ‘Некоторые из документов, по-видимому, фотокопии распечаток сводок разведки, возобновляют серьезные необоснованные обвинения, сделанные ранее, например, о том, что Агентство национальной безопасности (АНБ) подслушивает разговоры лидеров союзных государств’ [The Times, April 11, 2023]. Посредством вкрапления инференциального маркера журналист выражает предположение в отношении природы таких документов.

Аналогичные структурные модели, что и у эвиденциальных маркеров, называющих документы, обнаруживаются у маркеров косвенной эвиденциальности, содержащих ссылки на медиаресурсы, отличные от публикующего издания, при этом они являются verified источниками сведений, передают сообщаемый факт и реализуют категорию достоверности при условии нераспространения заведомо ложной информации. Примерами их употребления могут служить следующие контексты: *The movement of boxes has taken on added significance for prosecutors ..., the Washington Post reported* [The Guardian, May 30, 2023]; *Cheaper imports from the Netherlands are also to blame, according to the Guardian* [The Guardian, January 26, 2021]; *Газета USA Today наведміла, што ў першай палове 2022 года колькасць забойстваў у гарадах — членах Асацыяцыі начальнікаў паліцыі буйных гарадоў павялічылася на 50 працэнтаў* [Звязда, 02.04.2023]; *Па звестках вэб-сайта Mapping Police Violence, у мінулым годзе ў выніку паліцэйскага гвалту ў ЗША загінула рэкордная колькасць людзей — 1239 чалавек* [Звязда, 02.04.2023].

Как в англо-, так и в белорусскоязычных медиатекстах наблюдается усложнение структуры ссылок с использованием медиаресурсов, когда один или несколько источников инкорпорированы друг в друга. В подобных случаях авторство ретранслируемых фрагментов текста принадлежит другому изданию, центру изучения общественного мнения или первоисточнику сообщаемого факта (в этом качестве могут выступать, к примеру, избиратели или жители страны, которые приняли участие в опросе или исследовании): *Just 21 per cent said they should not, with 19 per cent saying they did not know, according to polling by YouGov of 2,112 adults for the Good Law Project* ‘Только 21% сказали, что не должны, а 19% заявили, что не знают, согласно опросу YouGov 2112 взрослых для проекта «Хороший закон»’ [The Times, April 18, 2023]; *They have taken stances that appear more pragmatic given that only one-third of Americans call themselves liberals, according to polling provided to The Economist by YouGov* ‘Они заняли позицию, которая кажется более прагматичной, учитывая, что только треть американцев называют себя либералами, согласно опросу, предоставленному The Economist YouGov’ [The Economist, April 8, 2020]; *Згодна з рэпартажам CNN, 72 працэнты амерыканцаў былі незадаволеныя палітыкай краіны на барацьбе са злычыннасцю, 80 працэнтаў жыхароў ЗША адзначаюць, што яны моцна ці значна занепакоеныя злычыннасцю і гвалтам* [Звязда, 02.04.2023]; *PR Newswire наведаміла: пазапартыйнае апытанне More Perfect перад прамежкавымі выбарамі паказала, што 86 працэнтаў выбаршчыкаў заявілі: дэмакратыя ў ЗША сутыкаецца з вельмі сур’ёзнымі пагрозамі* [Звязда, 02.04.2023]. Инкорпорирование результатов исследований или опросов общественного мнения обусловлены стремлением к передаче информации в компрессионном виде и реализуют категорию достоверности в медиатекстах с верифицируемыми данными несмотря на то, что в качестве первоисточника выступает обобщенно-собирабельная номинация.

Пересечение косвенной эвиденциальности и деавторизации фиксируется и в конструкциях с подразумеваемым субъектом, которые выступают инструментами снижения журналистской ответственности за сообщаемое, поскольку вследствие использования бессубъектных конструкций «происходит исчезновение авторства и одновременно исчезновение ответственности» [15, с. 4]. Такие конструкции с подразумеваемым субъектом встречаются в двух разновидностях:

а) нейтральная констатация факта сообщения журналистом без указания источника: *In one case, he is reported to have discussed the possibility of using drones...* ‘Сообщается, что в одном случае он [президент Зеленский] обсуждал возможность использования беспилотников...’ [The New York Times, May 3, 2023]; *Так, наведамляецца, што ў Гіватаіме аб галаву аднаго з пратэстоўцаў разбілі бутэльку, пасля чаго ў групу дэманстрантаў заехала машына* [Звязда, 19.03.2023];

б) маркированное сообщение непроверенной (а возможно, и недостоверной) информации, слухов: *It had been rumoured that Mr Sunak would throw the ceremonial first pitch, but it now appears he will not have the honour* ‘Ходили слухи, что г-н Сунак забросит церемониальную первую подачу, но теперь, похоже, он не будет иметь такой чести’ [The Economist, June 7, 2023]; *It is the opposite approach to that taken by Elon Musk, who after his takeover of Twitter reportedly revoked some employees’ computer and email access before informing them that their services were no longer required* ‘Это подход, противоположный подходу Илона Маска, который после покупки Twitter, как сообщается, лишил некоторых сотрудников доступа к компьютерам и электронной почте, прежде чем сообщить им, что их услуги больше не требуются’ [The Times, June 15, 2023]; *Пагаворваюць нават, нібыта ўсяго за некалькі дзён паказу на складах дзіцячых крам скончыліся ўсе лялькі Чабурашкі, і «Саюзмультфільму» давялося ў пажарным парадку выпускаць дадатковую партыю* [Звязда, 07.02.2023]; *Нават чуткі пайшлі, што ў Кітаі будуюцца спецыяльныя сховішчы, дзе аўтаномна людзі могуць пратрымацца каля 30 дзён* [Звязда, 14.07.2010]; *У кулуарах кажуць — маўляў, не змаглі нічым здзівіць журы...* [Звязда, 22.09.2008]. Помимо вкраплений синтаксических конструкций как эвиденциальных маркеров с семантикой слухов в обеих медиакультурах могут использоваться лексические средства *hearsay* ‘слухи’ (things that people have told you and that may

og may not be true ‘то, что люди вам сказали и что может быть или не быть правдивым/достоверным’ [dictionary.cambridge.org], например: *...those dark reputations were largely based on hearsay* ‘...те сомнительные репутации были в значительной степени основаны на слухах’ [The Economist, July 24, 2003]) и *маўляў* автономно или совместно (см. пример выше) с другими маркерами. Как и в случае с синтаксическими маркерами слухов, лексические маркеры в основном подразумевают существование реального субъекта, но в аналитических статьях автор в ходе рассуждений может конструировать потенциально возможный диалог читателя и гипотетического субъекта (в нашем контексте виртуального знакомого), а значит, эвиденциальное значение в подобных контекстах не реализуется, например: *Зразумела, насцярожыцца трэба, калі віртуальны знаёмы просіць у вас грошы: маўляў, прадавай машыну/кватэру/дом, у нашай агульнай будучыні купім лепшыя* [Звязда, 15.06.2023]. Интересной особенностью белорусскоязычной конструкции с подразумеваемым субъектом речи *кажуць* в медиатекстах разных жанров является ее употребление не для распространения слухов, а преимущественно для передачи накопленного опыта поколений, народной мудрости: *Калі для адных лета — бесклапотны перыяд, час адпачыць і, як у народзе кажуць, перавесці дух, то для іншых гэта напружаная і вельмі адказная пара* [Звязда, 07.02.2023]; *Наогул, лічыцца, што класічнае выхаванне стаіць на «трох кітах»: бізун, пернік і асабісты прыклад (недарэмна кажуць: перастаньце выходзіць дзяцей — яны ўсё адно вас капіруюць, пачніце з сябе)* [Звязда, 14.06.2023]. В приведенных контекстах из интервью и аналитической статьи на белорусском языке вставные конструкции с «кажуць» выполняют функцию «попутного замечания» и авторского комментария к соответствующему распространенному мнению и, следовательно, не могут быть признаны способами выражения эвиденциальности. Очевидно, что при таком употреблении, которое не характерно англоязычным текстам, реализуется категория деавторизации. В англоязычных медиатекстах сообщение непроверенной информации привлекает большее разнообразие языковых средств для этой цели (ср.: *it is/has been/had been rumoured, according to rumours, rumours circulate, is said, people say, reportedly, hearsay, there is a whispering campaign* vs. *пагаворваюць, кажуць, чуткі пайшлі, маўляў*).

Заклучение

Итак, анализ функционирования маркеров эвиденциальных значений в медиатекстах разных жанров на английском и белорусском языках показал, что референциальные характеристики их субъектов непосредственно влияют на одно из базовых свойств эвиденциальности: референтное употребление субъектов является индикатором надежности, достоверности сообщаемого при соблюдении условия искренности, в то время как нереферентное употребление субъектов надежность, достоверность информации в медиатекстах не обеспечивает. Наличие экспликаторов прямой эвиденциальности не гарантирует реализации данной категории: если в пропозициях вместо сообщаемого факта осуществляется субъективированная подача сведений посредством оценочных лексических единиц самостоятельно или в сопровождении наречий с семантикой постоянства и глаголов в эпистемическом значении в настоящем времени, то реализуется либо авторизация восприятия, либо деавторизации, инкорпорирующая неидентифицируемый субъект. Маркеры инференциальной эвиденциальности принадлежат, как правило, референтному субъекту-повествователю, который может быть журналистом или цитируемым лицом, и в сопряжении с оценочными единицами демонстрируют субъективность изложения, что объединяет инференциальную эвиденциальность и квалифицирующую авторизацию. Если маркеры инференциальной эвиденциальности не сопряжены с оценкой и вводят собственный вывод говорящего/журналиста на основании верифицируемых фактов, цитирования/анализа утверждений идентифицируемых экспертов, личных знаний/опыта, то информация является достоверной и объективной. Использование в маркерах инференциальной эвиденциальности местоименного компонента «мы» в обобщенно-собирательном значении реализует категорию

деавторизации. В обеих медиакультурах маркеры косвенной эвиденциальности с референтным субъектом реализуют квалифицирующую авторизацию с экспликацией или без экспликации эвиденциального значения в зависимости от наличия или отсутствия в пропозиции сообщаемого факта; либо деавторизацию в случае кодирования нереферентного выраженного или подразумеваемого субъекта в качестве источника. При усложнении структуры ссылок с использованием инкорпорированных друг в друга верифицируемых первоисточников реализуется категория достоверности вне зависимости от референциальных характеристик субъекта-первоисточника, однако, если встроенные первоисточники являются неверифицируемыми или гипотетическими, то косвенная эвиденциальность распространяет отношение включения на деавторизацию, при этом достоверность относится лишь к ссылочному блоку с референтным источником.

Тексты разных жанров сопоставляемых медиакультур (новостной и аналитической статьи, репортажа, художественно-публицистической статьи и интервью) демонстрируют следующие категориально-прагматические корреляции: все разновидности маркеров эвиденциальности с референтным субъектом, сопряженные с оценкой, пересекаются с квалифицирующей авторизацией и авторизацией восприятия и активируют прагматические эффекты программирования читательского декодирования, т.е. создания для читателя интерпретационной программы; маркеры эвиденциальных значений разных типов с нереферентным субъектом пересекаются с деавторизацией и позволяют плюрализировать собственное мнение, масштабировать наблюдения автора-повествователя, снизить журналистскую ответственность за сообщаемое, констатировать сам факт сообщения или передать слухи. При дословном цитировании маркеры косвенной эвиденциальности с референтным субъектом обеспечивают информирование адресата о словах первоисточника или передачу его оценочных суждений; при островном цитировании, свойственном преимущественно англо- и белорусскоязычным аналитическим статьям и интервью, наблюдается тесное переплетение информирования, передачи оценочных суждений первоисточника и эффекта дистанцирования журналиста от воспроизводимого фрагмента.

Лингвокультурная специфика медиатекстов на английском и белорусском языках обнаруживается в том, что в англоязычных медиатекстах разных жанров содержатся ссылки на неверифицируемые документы; задействуется большее разнообразие языковых средств для передачи недостоверной информации; активируются дополнительные прагматические эффекты солидаризации с читателем и всеохватности наблюдения; обнаруживается квалификация источника информации журналистом посредством оценочных лексических единиц при кодировании субъектной номинации; белорусскоязычным медиатекстам разных жанров свойственно употребление бессубъектной конструкции деавторизации кажуць не в качестве эвиденциального маркера для распространения слухов, а в функции попутного замечания или комментария для передачи накопленного опыта поколений, народной мудрости.

Исследование категориальных пересечений и референциально-прагматических характеристик субъектных компонентов с учетом (не)достоверности информации в разных медиакультурах представляется лингвистически перспективным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Janik Ch.** Marking of evidentiality in Russian and German historiographic articles // Cross-linguistic and cross-cultural perspectives on academic discourse. Amsterdam, Philadelphia, 2009. Pp. 19–32. DOI: 10.1075/pbns.193

2. **Астахова Т.Н.** Корпусное исследование предложных групп с эвиденциальным значением «пересказывательность» в прессе Германии // Вестник Новосибирского государственного

университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16. № 2. Pp. 48–56. DOI: 10.25205/1818-7935-2018-16-2-48-56

3. **Murray S.E.** Evidentiality, Modality, and Speech Acts // *Annual Review of Linguistics*. 2021. Vol. 7, Issue 1. Pp. 213–233. DOI: 10.1146/annurev-linguistics-011718-012625. 2021

4. **Козинцева Н.А.** Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб.: Наука, 2007. 634 с.

5. **Angelopoulos N., Bagioka D.-V., Terzi A.** Exploring syntactically encoded evidentiality. *Language Acquisition*. 2022. DOI: 10.1080/10489223.2022.2087525

6. **Aikhenvald A.Y.** Evidentiality. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2004. 452 p.

7. **Xu Z.** Pragmatic functions of evidentiality in diplomatic discourse: Toward a new analytical framework. *Front. Psychol.* 2022. 13:1019359. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.1019359

8. **Добровольский Д.О., Зализняк А.А.** Эвиденциальность и эпистемическая оценка в значении немецких глаголов *sollen* и *wollen* (по данным немецко-русского параллельного корпуса) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2022». Москва, 15–18 июня 2022 г. <https://www.dialog-21.ru/media/5757/dobrovol-skijdopluszalizniakanaa019.pdf>. DOI: 10.28995/2075-7182-2022-21-132-140

9. **Aikhenvald A.Y., Dixon R.M.W.** *Studies in Evidentiality*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2003. 365 p.

10. **Никонова Е.А.** Реализация категории эвиденциальности в аналитической статье англоязычной качественной прессы. *Научный диалог*. 2022. Т. 11, № 1. С. 67–83. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-67-83

11. **Козловский Д.В.** Репрезентация суггестивной эвиденциальности в политическом массмедийном дискурсе // *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*. 2022. Т. 41, № 4. С. 733–746. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-733-746

12. **Hyland K.** *Metadiscourse*. London, N.Y.: Continuum, 2005. 230 p.

13. **Козловский Д.В.** Особенности взаимодействия модусной категории «эвиденциальность» с категориями «авторизация» и «аппроксимация» в дискурсивном пространстве масс-медиа // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2021. Т. 27, № 4. С. 122–130. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-4-122-130>

14. **Jary M.** *Assertion*. Hampshire, N.Y.: Palgrave Macmillan, 2010. 224 p.

15. **Yamamoto M.** *Agency and impersonality: their linguistic and cultural manifestations*. Amsterdam, Philadelphia, 2006. 151 p.

16. **Лунина Т.П.** О средствах выражения косвенной эвиденциальности в русском языке. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2020. № 5 (148). С. 92–97.

17. **Bondi M.** Polyphony in academic discourse: a cross-cultural perspective on historical discourse // *Cross-linguistic and cross-cultural perspectives on academic discourse*. Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 2009. Pp. 83–108.

18. **Flanagin A.J., Winter S., Metzger M.J.** Making sense of credibility in complex information environments: the role of message sidedness, information source, and thinking styles in credibility evaluation online // *Information, Communication & Society*. Berlin, NY, 2018. Pp. 1–19. DOI: 10.1080/1369118X.2018.1547411

19. **Kohring M., Matthes J.** Trust in News Media: Development and Validation of a Multidimensional Scale // *Communication Research*. Zuerig, 2007. Vol. 34, No. 2. Pp. 231–252.

20. **Savollainen R.** *Cognitive Authority as an Instance of Informational and Expert Power*. NY, 2021. Pp. 1–12. <https://doi.org/10.1515/libri-2020-0128>

REFERENCES

[1] **Janik Ch.**, Marking of evidentiality in Russian and German historiographic articles, *Cross-linguistic and cross-cultural perspectives on academic discourse*, Amsterdam, Philadelphia, 2009, pp. 19–32. DOI: 10.1075/pbns.193

[2] **Astahova T.N.**, A Corpus-Based Study of Prepositional Groups with Evidential Meaning “Reportive Evidentiality” in German Press, *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Linguistics and Intercultural Communication*. 2 (16) (2018) 48–56. DOI: 10.25205/1818-7935-2018-16-2-48-56

- [3] **Murray S.E.**, Evidentiality, Modality, and Speech Acts, *Annual Review of Linguistics*. 7 (1) (2021) 213–233. DOI: 10.1146/annurev-linguistics-011718-012625
- [4] **Kozintseva N.A.**, Evidentiality in the languages of Europe and Asia, Nauka, St. Petersburg, 2007.
- [5] **Angelopoulos N., Bagioka D.-V., Terzi A.**, Exploring syntactically encoded evidentiality, *Language Acquisition*, 2022. DOI: 10.1080/10489223.2022.2087525
- [6] **Aikhenvald A.Y.**, Evidentiality, Oxford University Press, Oxford, N.Y., 2004.
- [7] **Xu Z.**, Pragmatic functions of evidentiality in diplomatic discourse: Toward a new analytical framework. *Front. Psychol.*, 13:1019359 (2022). DOI: 10.3389/fpsyg.2022.1019359
- [8] **Dobrovolskiy D.O., Zalizniak A.A.**, Evidentiality and epistemic modality in the semantics of the German verbs *sollen* and *wollen* (based on the data from the German-Russian parallel corpus) // *Computer linguistics and intellectual technologies*. 2022. DOI: 10.28995/2075-7182-2022-21-132-140
- [9] **Aikhenvald A.Y., Dixon R.M.W.**, *Studies in Evidentiality*, John Benjamins, Amsterdam, Philadelphia, 2003.
- [10] **Nikonova E.A.**, Implementation of category of evidentiality in analytical article of English-language quality press. *Scientific Dialogue*. 1 (11) (2022) 67–83. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-67-83
- [11] **Kozlovskiy D.V.**, Representation of suggestive evidentiality in political mass media discourse. *Issues of journalism, pedagogy, linguistics*. 41 (4) (2022) 733–746. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-4-733-746. 2022
- [12] **Hyland K.**, *Metadiscourse*, Continuum, London, N.Y., 2005.
- [13] **Kozlovskiy D.V.**, The different types of interaction of the modus category of evidentiality with authorization and approximation in the mass media discourse. *Vestnik Samarskogo Universiteta. History, Pedagogics, Philology*. 4 (27) (2021) 122–130. DOI: 10.18287/2542-0445-2021-27-4-122-130
- [14] **Jary M.**, *Assertion*, Palgrave Macmillan, Hampshire, N.Y., 2010.
- [15] **Yamamoto M.**, *Agency and impersonality: their linguistic and cultural manifestations*, John Benjamins, Amsterdam, Philadelphia, 2006.
- [16] **Lunina T.P.**, Means of reported evidentiality expression in the Russian language. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 5 (148) (2020) 92–97.
- [17] **Bondi M.**, Polyphony in academic discourse: a cross-cultural perspective on historical discourse, *Cross-linguistic and cross-cultural perspectives on academic discourse*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2009. Pp. 83–108.
- [18] **Flanagin A.J., Winter S., Metzger M.J.**, Making sense of credibility in complex information environments: the role of message sidedness, information source, and thinking styles in credibility evaluation online. *Information, Communication & Society*, Berlin, NY, 2018. DOI: 10.1080/1369118X.2018.1547411
- [19] **Kohring M., Matthes J.**, Trust in News Media: Development and Validation of a Multidimensional Scale. *Communication Research*, Zuerig, 34 (2) (2007) 231–252.
- [20] **Savollainen R.**, *Cognitive Authority as an Instance of Informational and Expert Power*, NY, 2021. DOI: <https://doi.org/10.1515/libri-2020-0128>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Басовец Ирина Михайловна

Irina M. Basovets

E-mail: basovets@list.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2142-7233>

Поступила: 05.07.2023; Одобрена: 13.11.2023; Принята: 14.11.2023.

Submitted: 05.07.2023; Approved: 13.11.2023; Accepted: 14.11.2023.